

Лидия Чарская

Люси́на жи́знь

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Ч-22

Чарская Л.
Ч-22 Люси́на жизнь / Лидия Чарская – М.: Книга по Требованию, 2012. – 188 с.

ISBN 978-5-4241-1784-8

Трилогия "Люси́на жизнь" рассказывает об озорной девочке-дворянке, живущей в имении отца в российской глубинке, о ее девичьих переживаниях и первой любви. Повесть знакомит читателя с миром непоседливого ребенка, которому суждено пройти нелегкий путь взросления.

ISBN 978-5-4241-1784-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Лидия Чарская
Люсина жизнь

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Мне пришлось гостить этим летом в одном из «медвежьих углов» нашей обширной матушки России. Там, в соседстве с имением моего дяди, у которого я временно поселилась, в усадьбе его знакомых, я встретила молодую девушку.

Она сразу завладела моим вниманием, и мы с нею скоро подружились, несмотря на разницу лет.

Было что-то родственное в наших душах, сходное в характерах и натурах.

Однажды Люся (настоящей фамилии ее я называть не стану) подала мне небольшую тетрадку, исписанную ее крупным характерным почерком.

— Вот, дорогая, прочтите это, — сказала она мне, — здесь мой дневник, мои заметки, моя душа, мое сердце, все мое внутреннее «я» без доли вымысла и прикрас. И вся моя жизнь с той минуты, когда я начинаю себя помнить, и до восемнадцати лет. Она проходила у меня до сих пор не совсем обыкновенно, не так, как у других детей была богата случаями и приключениями. Пестрела всевозможными типами, далеко не безынтересными тоже. Если бы я была писательница, то составила бы большую интересную книгу обо всем этом. Но, увы! я не обладаю таким даром. А между тем, так хочется раскрыть все пережитое мною читателям, познакомить их со встретившимися на моем пути людьми, могущими заинтересовать таких же юных существ, каким является ваша покорная слуга. И вот, я прошу вас заменить меня в этом деле. Я передаю вам одни только факты, один сырой материал, одни короткие наброски. Выберите из них все то, что найдете нужным, обработайте, дополните, расширьте, — одним словом, сделайте пригодными для печати. И этим вы вполне осчастливите вашу Люсю.

Я внимательно прочла синюю тетрадку.

Действительно, она состояла из отрывков, набросков и заметок, крайне заинтересовавших меня, настолько заинтересовавших, что я при первой же представившейся мне возможности, взялась за работу. Я обработала этот материал согласно просьбе моей приятельницы, взяв целый ряд фактов и приключений из жизни Люси, ее детства, отрочества и юности, и, таким образом, возникла повесть «Люсиная жизнь», которую я и передаю по желанию самой героини ее моим юным друзьям-читателям.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ДЕТСТВО

I

Шоколадная утка

Трехлетняя очень худенькая и очень бойкая девочка вьюном вьется по небольшой светлой гостиной. Она то подпрыгивает, приближаясь к столу, на котором лежат четыре такие соблазнительные вещи, как: большие ножницы, кусок воска, иголка с ниткой, воткнутой в подрубленный только что нянею носовой платок, и маленькая шоколадная утка; то, как ни в чем не бывало, удаляется от стола и смотрит с самым невинным видом в окошко.

Маленькая девочка — это я. Меня зовут Люсей. У меня есть отец и бабушка, такая старенькая, что когда кто-либо спрашивает меня: «Скажи, сколько лет твоей бабушке, Люсенька?» Я сразу отвечаю без заминки. — «Сто лет!» Между тем как моей в ту пору, действительно, старой бабушке было около семидесяти.

Есть у меня еще няня Феня. Эта Феня очень молоденькая, румяная и такая бойкая, что двух минут не может спокойно посидеть на одном месте. На кухне за эту-то бойкость мою няню остальная прислуга не очень долгобливала, а кухарка Лукерья, вся насквозь пропитанная кухонным чадом и лоснящаяся, как только что начищенная кастрюля, та — Феню иначе как «вертихвосткой» не называла. Зато я свою няню очень люблю. Кроме папы, бабушки и Фени, у меня есть еще Филаг, огромный пес, про которого моя молоденькая тетка, папина младшая сестра Муся, говорит, что он «страшно породистый», а папочка ей на это отвечает несомненно: «Что и говорить, чистокровный дворянин». Но о Филате пока что распространяться не буду, так как начала вспоминать про шоколадную утку, к ней и возвращусь. Шоколадная утка это — подарок, полученный мною нынче. Когда мы закупали с Феней сегодня в лавке на целую неделю сладости: мармелад, пастилу, изюм и орехи, приказчик с умиленным видом вынул из большой запыленной банки, крепкую как камень, шоколадную утку с отбитым носом и преподнес ее мне с самой галантной улыбкой.

— Вот-с, извольте-с, получить маленькая барышня с нашим особенным вам почтением-с. Кушайте-с на здоровье и нас не забывайте-с.

Последние слова относились, кажется, к Фене, потому что она вспыхнула и потупила глазки под устремленным на нее взглядом приказчика. И тотчас же вырвала у меня из рук утку и положила ее к себе в карман.

— Нет, нет и думать не смей до обеда пробовать ее, Люсенька. А то опять затошнит, супа кушать не станешь и бедной Фене влетит по первое число, шепотом предупредила меня, довольно нелюбезным тоном моя молоденькая няня.

Вышла я из магазина в самом сумрачном настроении духа и всю дорогу дулась на Феню. Дулась и тогда, когда она, по приходе домой, вынув из кармана шоколадную утку, положила ее на столе в гостиной, а сама уселась, как ни в чем не бывало, подрубать платок и напевать в полголоса песенку про серого козлика.

Что касается меня, то я терпеть не могу этой песни. И песня глупая и козел глупый. Охота же была ему лезть прямо на рога к злым волкам. Я бы, будь я козлом, непременно бы их сама забодала рогами... Так бы и не съели они меня ни за что. Или козлик был еще маленький, и у него не выросли еще рога?

Надо расспросить об этом хорошенько Феню.

Но мне не приходится сделать этого, потому что моя милая нянечка, покончив с подрубкой платка и обратившись ко мне, еще раз с кратким, но убедительным внушением ни под каким видом не есть шоколадную утку до обеда, быстро исчезла за дверью гостиной, шумя накрахмаленными юбками. Да, хорошо ей было внушать... А какого-то испытывать соблазн моему чрезмерно отзывчивому на все сладкое трехлетнему сердцу?... Походив вокруг стола просто шагом и побегав в припрыжку, я самым неожиданным образом пришла к счастливому заключению, что было бы далеко недурно заняться для препровождения времени большими Фениными ножницами, положенными по соседству с шоколадной уткой. Не задумываясь ни минуты, я снова подхожу к столу и беру их двумя пальцами так осторожно, как будто они сделаны не из железа, а из хрусталя, и вот-вот ежеминутно грозят разбиться вдребезги на мелкие кусочки. Вспоминаются почему-то стихи из книжки «Степка-Растрепка» о мальчишке, который по минутно сосал палец до тех пор, пока к нему не «прибежал портной с большими ножницами, злой, и вдруг не отрезал пальчики с обеих рук». Вспоминается и соответствующая этому случаю картинка: злодейского вида человека, в клетчатых панталонах, ручьи крови, и неистово ревуший мальчишка с обрубками пальцев на руках. Главным же образом, вспоминаю ножницы совсем такие же страшные, как эти. Но такие ли острые эти, как были те, этого я не знаю и, чтобы в том убедиться, хватаю со стола подрубленный Феней платок, такой беленький и аккуратный, ни разу, по-видимому, не бывший в стирке, и вырезаю из середины его ножницами кружок величиною в медный пятак. Потом соображаю мгновенно, что рубец на платке далеко не так уже хорошо подрублен, и что было бы куда лучше заменить его зубчиками. Не откладывая дела в долгий ящик, сажусь на полу, тут же около стола и, пыхтя и сопя немилосердно, начинаю с усердием, достойным лучшего применения, мять и резать ни в чем неповинный новенький платок. Полюбовавшись с минуту на свою работу, я вспоминаю, что в платок была воткнута иголка с ниткой. Сейчас же ее здесь нет...

Где же она? Где? Куда она могла деваться?

Ужасное предположение мелькает молнией в моей младенческой голове. Совсем некстати припоминаются сейчас причины, объясняющие запрещение старших давать детям иголки в руки: иголку можно проглотить — и тогда последует смерть неотвратимая и ужасная. Иголка может также войти в мягкую часть тела, оттуда потянется дальше, дойдет до сердца и тогда... Тю-тю прощай, Люленька!

Воображение мое разыгрывается... Теперь мне кажется уже, что это факт совершившийся, — и что я, действительно, проглотила иголку. Подхожу к зеркалу и смотрю, не торчит ли нитка у меня изо рта. Нет, и с этой стороны все обстоит не совсем благополучно. Нитка не торчит. Стало быть, последняя надежда на возможность извлечения при ее помощи иголки исчезает бесследно. Это обстоятельство, как нельзя лучше соображает моя мало умудренная житейским опытом трехлетняя голова. И я начинаю тихонько хныкать и, поглядывая беспомощными глазами по сторонам, жалобно-прежалобно взываю:

— Няня Феня! Няня Феня! Ня-янечка!

И вот снова взгляд мой падает на шоколадную утку. Не есть ли она моя спасительница? Что если я съем ее? Она защитит меня от злополучной иголки, об-

лепит ее своей мягкой клейкой массой, и та не вонзится в мое тело. И я уже не рассуждаю больше. Стремительно вскакиваю с пола и быстро хватаю соблазнительную приманку. Спрятавшись с нею в уголке гостиной между книжным шкафом и роялем, я ем ее быстро и жадно, точно никогда не ела ничего сладкого за все мое трехлетнее существование. Ем и вместе с этим вымазываю себе на совесть лицо, шею, руки, платье и передничек. Шоколадная утка могла бы с успехом называться каменной, так она неудобосъедобна и крепка. Но зато сладости невообразимой!

Прищелкивая языком, глотаю последний кусочек и вылезаю из моей засады. Проходя мимо зеркала, бросаю в него удовлетворенный взгляд и вдруг начинаю реветь испуганным страшным ревом.

Ужасный маленький карлик смотрит на меня оттуда своей черной, как у негра пятнистой физиономией. Жуткий маленький карлик с лицом, вымазанным в шоколаде.

Я реву. Реву тем залихватным ревом, который звоном отзывается в ушах самого ревушего. Вбегает испуганная Феня.

— Люсенька? Что такое? Что случилось? Кто обидел Люсеньку?

И тут же, увидя мое невозможно-вымазанное лицо, Феня краснеет и сердито топает ногою:

— Бесстыдница! Съела-таки! Съела до обеда шоколадную утку!

Я знаю по опыту, что вслед за этим неминуемо последует увесистый шлепок, и считаю, поэтому необходимым разжалобить Феню.

— Я проглотила иголку! — взвизгиваю я на весь дом.

Эффект от такого признания получается чрезвычайный.

— Она проглотила иголку! — всплеснув руками, вопит не менее отчаянно моя молоденькая няня. И, схватив меня на руки, начинает трясти с такой силой, точно хочет заставить иголку выскочить из моих внутренностей.

— Какую иголку? Какую? — трагическим шепотом допытывается она у меня.

— Большую иголку, с длинной ниткой, — продолжаю я фантазировать, не переставая реветь ни на минуту.

Феня в отчаянии и плачет тоже. Приходит бабушка, прибегают отец и тетя Муся, которая гостит у нас все летние месяцы, свободные от занятий в институте. — Что такое? Что случилось? Отчего Люсенька плачет? В чем это она выпачкалась? Да говори же, Феня! — кричат они наперерыв все трое и протягивают ко мне руки.

Феня, всхлипывая, объясняет в чем дело. Она отлучилась только на минутку за молоком для Люсеньки, а Люсенька... И тут следует длинный перечень моих преступлений, существующих и несуществующих, всех, кроме самого главного, о проглоченной иголке Феня разумно умалчивает. Но я не замедляю восстановить истину и ору уже безо всяких слез, на весь дом благим матом:

— Я проглотила иголку! Я проглотила иго-олку... Аа-а-а!

Весьма легко себе представить, какое впечатление получилось от этих слов!

У бабушки подкосились ноги. Мой ненаглядный папочка стал такой же белый, как только что изуродованный мною и теперь валявшийся на полу носовой платок; тетя Муся, всегда розовая и веселая, вдруг будто слиняла, сразу как Феня ситцевая кофта после стирки.

— Доктор! Доктора! Необходимо сейчас же извлечь иголку... дать ей рвот-

ное, заставить ее выпить сырых яиц и касторки... — срывалось с помертвевших губ бабушки в то время, как папочка хватался за голову, не зная что придумать, что предпринять. Я же переходила с рук на руки, от бабушки к папочке, от папочки к Фене и обратно. Одна только тетя Муся оставалась в сторонке и что-то усердно искала на ковре.

— Ах, вот она! — весело прозвучал ее голос, и она звонко рассмеялась на всю комнату.

— Вот она, иголка, преблагополучно валяется на полу. Ты ее и не думала глотать, проказница Люся!.. Сережа, мамочка, да успокойтесь вы, ради Господа Бога, живехонько и здоровехонько ваше сокровище ненаглядное... Ну, Люська, марш в свою детскую, нечего арапчонком ходить, бесстыдница ты этакая! — обратилась она уже непосредственно ко мне. Затем, поднеся к самому моему носу иголку, ту самую злополучную иголку, которая по моему предположению, должна была давно уже обретаться в моем желудке, спросила, прямо глядя мне в глаза:

— Эту иголку, ты проглотила, негодница ты маленькая? Да? Говори!

— Эту... С длинной ниткой! — помимо моей воли нерешительно сорвалось с моих губ.

— Ха, ха, ха! — раздался вокруг меня дружный веселый хохот. Мгновенно все страхи и ужасы моих родных перешли в самое веселое настроение, теперь они от души смеялись.

Смеялся отец, смеялась бабушка, смеялась тетя Муся. Одной Фене было не до смеха. Бабушка очень строго смотрела на нее все время, пока царило приподнятое настроение в нашей маленькой гостиной. И этот строгий взгляд сулил мало хорошего Фене. Когда же веселое настроение прошло, бабушка погрозила пальцем моей нянюшке и внушительно произнесла: — Если что-либо повторится подобное, и ты еще хоть раз оставишь ребенка одного с опасными вещами в комнате, то я тотчас же рассчитаю тебя, Феня. Поняла?

Русая головка моей молоденькой няни печально поникла при этих словах старшей хозяйки. Правда ненадолго. Лишь только старшие ушли, и мы остались снова вдвоем с нею, она бросила сердитый взгляд на мою жалкую, пристыженную фигурку и не менее сердито зашипела:

— У-у, негодная девчонка! Лгунья! Иголку, видишь ты, проглотила! Бесстыдница! Не так бы завопила, кабы по всамомделешнему проглотила! Только добрых людей напугала зря. Ишь ты вымазалась... Платок опять же испортила! У-у, срамница. Место из-за тебя, негодницы, терять мне, што ли? Господи Ты Боже мой! Царица Небесная, Владычица, сладу мне нет с ребенком этим. Погоди, негодница, уже придет он — Зеленый, утащит тебя в лес, отдаст волкам, будешь тогда знать, как мучить бедных людей! И схватив меня за руку, более нежели энергичным движением, она повлекла меня в детскую, чтобы смыть с моего лица и рук злополучный шоколад.

* * *

Вечер... На окно спущена непроницаемая темная штора. Синевато-желтый огонек лампы тихо вздрагивает перед большим образом нерукотворного Спаса. Я лежу в своей мягкой тепленькой кровати и широко раскрытыми глазами смотрю на причудливый букет розовых обоев, которыми оклеена моя уютная,

